

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.).

Из череды визитов ко всяким «окошечкам» прокуров и деятелей НКВД осталось в памяти проникновение в доме на Фуркасовском переулке в кабинет со строгой надписью «Посторонним вход запрещён» к изумлённому следователю, однако, переговорившему всё-таки со мной и изрёкшему усажающую сентенцию: лучше расстрелять десять невиновных, чем упустить одного виноватого. Напоследок он посоветовал мне убираться подобру-поздорову и больше не таскаться по их заведениям, пока не посадили.

Между тем,

«3 февраля собралась наша «школьная» группа. Парни все очень возмужали, научились танцевать и даже целовать руки. Было приятно, но не очень весело, т.к. кроме меня было ещё 5 человек в таком же положении, что действовало угнетающе. Со всеми ними разговаривала, но они, кажется, ничего не предпринимают...

Наконец, с чрезвычайно тяжёлым чувством и с ощущением на себе какой-то внешней так и не пробитой непроницаемой плёнки, я выкатилась в Ленинград, куда 7 февраля прибыла – в серый, холодный день... и опять потекла жизнь – деловито и нелегко».

Состав лекторов в ЛИИ в те времена был блестящ; правда, бывали исключения вроде «выдвиженцев», вызывавших удивление и насмешки студентов, «...лопухов с такими казусами, как «хочим», «шибко», «полОжили» и т.д., которые двух слов связать не умеют». Встречается в заметках и такое: «... сегодня слушала обзорительного итальянца с завораживающими глазами» – преподавателя химии, В.В. Скорчелетти, – «хорошо, подлец, читает!». Или – «...было групповое собрание; пробирали хвостиков (их у нас 16 из группы в 26 человек)». И в другом месте: «Боже, какая у нас неинтересная группа». Здесь же мельком описаны поход со Славой (Филиппов Вячеслав Леонидович, двоюродный брат Евангуловой Е.П.) в консерваторию на оперу «Риголетто» с характеристой молодых артистов и, с ним же, катание на буерах:

«24 февраля. Конечно, проспала, в 10 утра пришёл Слава, разбудил, и мы, как ни хотелось мне спать, отправились на Финский залив. Но, к сожалению, ветер был очень слаб и буер ходил медленно – это, конечно, для «любителей сильных ощущений» было совсем неинтересно... У несчастного Славы на оба лёгких пневмоторакс, 4 месяца лежал в больнице, 2 месяца был в санатории, теперь ничего, всё так же остроумен и жизнерадостен. Смешил, как всегда, до упаду».

Несколько ранее упомянута встреча с Артемием Батюшковым:

«Сегодня к вечеру позвонил Тёма – учились в одном школьном классе, потомок поэта К.Н. Батюшкова. Иду к нему институт (Киноинженеров). В четверть девятого Тёма зашёл, и мы отправились. Он стал довольно интересен, отличник, и встретились мы очень хорошо. Сначала много смеялись, вспоминая время, когда он был в меня влюблён – ещё в маленькую девочку, как я ему когда-то прочла «нравоучительную мораль» и как судьба нас столкнула опять...»

В войну А. Батюшков погиб на фронте – при встречах с одноклассниками неизменно тепло вспоминаем о нём, как об умном, образованном, интересном парнишке, писавшем стихи.

«В том же феврале однажды поехали с Юлей сопровождать дядю Мишу в ДИТР (Дом инженерно-технических работников), где он должен был прочесть лекцию, а т.к. за отсутствием слушателей она не состоялась, то в соседнем зале прослушали лёгкую итальянскую оперу «Комора». Билеты на неё устроил некий Положенцев В.В. – ассистент дяди Миши. Он мне почему-то страшно напоминает французского кавалера с Сомовской картины – своими усиками, прямым пробором и допотопными манерами ухаживать. Немножко потанцевали и поехали домой...»

Но дружеские встречи и развлечения не могли затмить ощущение беды. Примером может послужить более ранняя заметка такого рода:

«14 февраля. В институте всё то же. На черчении, правда, произошёл, хотя совсем незначительный, случай, но о многом мне сказавший. Наш преподаватель по черчению – почти старик, страшный педант и сухарь, который, кроме своих «стрелочек» и «размерчиков», ничего не видит и не умеет улыбаться, поразил меня тем, что вдруг спросил, почему я стала теперь такая грустная, тогда как в

1-е полугодие он меня не видел без улыбки на лице. Вот этот, казалось, малозначимый эпизод лишний раз подчеркнул мою внутреннюю и, как следствие, внешнюю перемену. Последняя поездка в Москву является резкой границей между мной прежней и теперешней. Такие замечания в последнее время слышу не раз... Причём, я сколько раз пыталась с себя сбросить эту, как мне казалось, кору, но это оказалось много глубже. Огромную роль, безусловно, сыграло моё невесёлое пребывание в Москве с её мрачными и тяжёлыми хлопотами. О, эти картины производили жуткое впечатление. <...>

8 марта. Пока что никаких результатов от моей беготни по «учреждениям» не предвидится. Подождём ещё!

Удивительное дело: я чувствую, как моё «я» ужасно извульгарничалось в стенах института и как уходит от меня моя некоторая индивидуальность, которая, я это хорошо знаю, у меня была и которую я любила в себе. Может быть, я неправильно выразилась – она не ушла, то, что в человеке есть внутри, никуда не выкинешь, а очень глубоко спряталась, и я уже не ощущаю её присутствия, не говоря уже об окружающих. <...>

18 мая 1939 г. Возвращаюсь к дневнику, чтобы зафиксировать два незабываемых для меня события. 22 апреля я получила доверенность от моей мамы на моё имя, якобы, для получения отобранных у нас при обыске вещей. Господи! Хоть малейший признак её существования. Я уверена теперь, что мои молитвы услышаны. И, наконец, сегодня – ПОЛУЧЕНО ПИСЬМО ОТ МАМЫ! Сколько счастья я испытала в одну секунду, увидев подпись «Твоя мама» таким до безумия знакомым почерком, невозможно передать словами. Ещё бы хоть что-нибудь узнать об отце!

Я уже отослала ей письмо. Ни о чём больше писать не в силах.

31 мая... Отослала маме ещё одну телеграмму и 2 письма со своей фотографией.

14-го июня – ПОЛУЧИЛА ВТОРОЕ ПИСЬМО ОТ МАМЫ. Но меня очень огорчает то, что она, очевидно, ничего от нас не получает, т.к. ни о чём не упоминает, а от неё письмо шло всего лишь три дня».

Меж тем, студенческая страда шла своим чередом: «28 июня. Слава Богу! Сессии закончены – по химии – «тройка», по остальным – все «четвёрки». Теперь новая забота – выехать в Москву. Есть много о чём написать, но нет времени».

Далее, в отрывке от 1 сентября следует краткое изложение событий и жизненных коллизий, имевших место за предыдущий отрезок времени, и что «единственной радостью и ясными пятнами» тех дней были мамыны письма, получавшиеся регулярно, приблизительно по два письма в месяц. Только 11/XI было, наконец, получено сообщение от мамы, что

«она получила обе мои посылки – теперь я спокойна, что мамочкина участь хоть немного облегчена... Воспользовавшись отсутствием домашних, я горячо и искренне молилась, и в душе водворились мир и надежда. <...>

11 ноября. ...Вчера полдня писала письмо наркомку Берии.

В предыдущую ночь, как и почти все последние ночи, видела во сне моих дорогих родителей. Под впечатлением сна решила осуществить давно сидевшую в голове идею – опять писать. И вот письмо написано и отослано. Что будет – не знаю».

И вот передо мной тетрадь с надписью: «1940 год». Описание встречи Нового года нет, но первые реплики достаточно невесёлые:

«8 января 1940 г. Сиж у Зины – занимаюсь, вернее, пытаюсь заниматься... Надежд, когда-то поддерживавших меня, почти не осталось. Или Господь окончательно от нас отвернулся, или, как ни страшно произносить слова, Его нет?! Молитва не приносит облегчения, и на душе всё так же жутко и беспросветно... Мамаины письма последние такие тяжёлые, ей, видно, не только нравственно, но и физически очень тяжело – это не даёт ни секунды покоя, а где же папа-то?.. И за что, спрашивается, загубили столько народу? Неужели придёт когда-нибудь время, что я смогу сказать – «как хорошо, что я тогда не затянула себе на шею петлю?» Если бы мой дневник, да и ещё таких найдётся, наверное, порядочно, издать потом, ничего себе, блестящая бы получилась характеристика нашей советской эпохи!..»

Затем пробел в записях. За два месяца никаких изменений в ответ на заявления и письма в различные инстанции, включая прошение бабушки на имя Сталина, естественно, не случилось.

«9 марта 1940 г. Чувствую, что мою рану покрыла уже ржавчина, проникающая всё глубже, и приостановить которую ничто не сможет, кроме их возвращения...».

Под этим же числом – рассказ об очередной поездке в Москву, «несмотря на почти непреодолимую трудность выезда из-за билетов», с визитом к некоему прокурору Китаеву, и проч. И результат:

«Слежу за внутренним процессом отупения своих чувств, постепенно превращаюсь в какую-то механическую куклу: слёз больше не лью, редко молюсь, и всё мне становится труднее себя возбудить и проявить инициативу».

И далее:

«Хочу ещё отвести место в моих записях такому важному мировому событию, как вступление Советского Союза 30 ноября 1939 года в войну с Финляндией, которая, несмотря на некоторую аналогию со «слоном и моськой», затянулась на довольно продолжительный срок – война идёт и сейчас. Хотя последнее время наблюдаются успехи с нашей стороны, правда, наряду с баснословным числом жертв. Очевидно, Маннергеймовские железобетонные укрепления даются нелегко! Можно одно сказать, что финны сражаются с отчаянным упорством, ненавистью и героизмом. Эта война мне лично так же непонятна, как и политика арестов ни в чём не повинных людей.

В институте всё то же. Этот семестр будет, наверное, сумасшедшим, т.к. опоздали с началом занятий на целых 10 дней, в связи с морозами (полопались трубы) и отсутствием топлива.

Иногда ощущаю острое желание найти настоящего друга, который бы понял меня, с которым можно было поделиться своими невыносимо мучительными мыслями, кроме этого молчаливого дневника. Хочется быть со всеми добрее и лучше, но не всегда удаётся... Ещё, что меня сейчас удручает, – это, что мамочка может мне писать теперь не чаще одного раза в месяц. Беспокойство и тоска меня одолевают, особенно сегодня, но для посторонних, мне кажется, всё это скрыто».

И только через месяц с лишним, и только краткое констатирование фактов:

«18 апреля 1940 г. Когда особенно тяжело, я берусь за дневник. День за днём, месяц за месяцем и – о, ужас! – год за годом – никаких перемен.

13 марта подписан мир с Финляндией. Выборг отошёл к нам. В нашей жизни это сказалось, пожалуй, пока только на освещении (была снята светомаскировка) ... и всё! Жизнь нелегка. Серость, гадость, нудность и ни малейших проблесков...».

И, всё же, тут как тут – и проблеск! После двухмесячного перерыва, в записях под датой – 10/ VI, изложена вкратце романтическая история одной встречи, произошедшей 20 апреля в консерватории на концерте из музыки Чайковского:

«После этого случая я чуть не сделалась фаталисткой...»

Хотелось очень пойти на концерт, а в то же время необходимо было готовиться по всему пройденному курсу кристаллографии. Решила положиться на судьбу, какой трамвай подойдёт первым: девятка – заниматься домой, а если 18-й – к тётке Наде, доставшей билеты в консерваторию. Подошёл именно этот, и я без дальних размышлений покатила к ней.

Концерт был изумительным! Перед началом же в проходе между рядами мимо нас вдруг торжественно продефилировала страшно знакомая долговязая фигура. Присмотревшись, я узнала Колю Волкова, – москвич, «сопереулочник», с которым когда-то, лет шесть тому назад, мы встречались в нашей почти детской компании. И вот теперь он был передо мной, но окликнуть его я, конечно, постеснялась и затем, потеряв из виду, перестала и думать об этой неожиданной встрече. Но судьба решила по-своему – после концерта, у гардероба, мы всё же столкнулись. Он записал мой телефон, и пошла кутерьма. Короче говоря, мы встречаемся и по сию пору. Насколько я им увлечена – не знаю, но фразу «я счастлива» написать остерегаюсь...»

(Продолжение в следующем номере).